

ИЛЬЯ ВЕЧЕРИН

ОДИНОКИЙ ФОНАРЬ

Илья Вечерин

Одинокий фонарь.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71803126

SelfPub; 2025

Аннотация

26 историй, коротких ярких моментов, которые отпечатались в памяти. О детстве и учёбе, работе и отношениях, и обо всём на свете, но обязательно с юмором.

Содержание

О йоге, пожирателе душ Амате и фонаре за окном	4
Текстильщики	9
Война за территорию	11
Мальвина	14
Экзамен	16
Режиссер	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Илья Вечерин

Одинокий фонарь.

Сборник рассказов

Дисклеймер: все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно

О йоге, пожирателе душ Амате и фонаре за окном

У Вас есть внутренняя опора? Что-то метафизическое, тонкое, но прочное, и в то же время гибкое, достаточное для того, чтобы держать Ваш психический и эмоциональный мир в равновесии, не дать ему рухнуть под натиском обстоятельств? Знаете, как будто там ещё есть такое пространство, куда вот это «всё» может рухнуть. Такая Бездна с большой буквы «Б».

Примерно к двадцати семи я понял, что у меня такой опоры нет. Я тогда отходил от неразделённой любви, вдобавок у меня диагностировали варикозное расширение вен. И это в моём-то возрасте!

– У вас плохая наследственность, – объяснил врач и прописал резиновые чулки. До конца жизни, ибо не лечится.

С работой тоже не всё было гладко. Мало кто мечтает работать менеджером по продажам на перегретом рынке правовой поддержки. Иными словами, опереться было не на что. А ещё я был замкнутым, никому не доверял, не мог поговорить по душам. Да и друзей у меня не было тоже.

Помню, листал я ленту ВКонтакте, и попалась на глаза картинка с текстом: «Если вам 25, то это не четверть жизни, это её треть, при условии, что всё у вас будет хорошо». Это на меня подействовало. В самом деле, подумал я тогда, а у меня «всё хорошо»? И словно какая-то пелена спала с глаз: работу я не любил, здоровье подорвал, жил с родителями, семьи и отношений нет.

И тут бы самое время впасть в депрессию. Но я не стал. Вместо этого съехал. Помню себя в этой мрачной, но по своему уютной однокомнатной квартирке на окраине Москвы. Со всех сторон на меня оценивающе смотрят потёртые и залепанные жирными пальцами коричневые советские шкафы с оторванными ручками. За окном идёт холодный октябрьский дождь. И там же, прямо напротив моего окна, сияя приветливым оранжевым светом, глядит одиноко стоящий во дворе сутулый фонарь. Занавески тогда не было. Её не будет ещё очень долго. Я повешу её весной, когда восход начнёт будить меня по утрам слишком рано. А тогда этот оранжевый свет от фонаря отчетливо давал понять, сколько грязи

на полу в комнате.

Я сел на диван. Кругом лежали неразобранные вещи в мусорных пакетах. Вымыть пол? Принять душ? Просто лечь спать? Немного помедлив, я расстелил свой коврик для йоги. Так началась моя новая жизнь в новом месте.

Это был антиварикозный комплекс упражнений, который я нашёл в интернете. После тяжёлого рабочего дня моим ногам становилось гораздо легче. Я приходил с работы, принимал душ, расстилал коврик и растворялся в практике. Если на работе был день рождения или другой праздник, я пил апельсиновый сок. Знал, что на дома меня ждёт нечто несравнимо большее, чем удовольствие от алкоголя. Я стал спокойнее и увереннее в себе. Крепло ощущение, что впервые я делаю что-то важное. Я понял, что слышу, наконец, своё тело и помогаю ему. Впервые моя жизнь не проходила мимо – практика удивительным образом стала её центром. Мне стало не важно, какая погода за окном или какая атмосфера у нас в отделе на работе. Я понял, что такое внутренняя опора. Та самая, что позволяет держать мой личный мир над Бездной обстоятельств и страхов.

И если бы в этот момент закончилась моя жизнь, я был бы спокоен. Ну, знаете, как это обычно бывает: метеорит, ударная волна... или злые инопланетяне решили вдруг распылить землю. Я прямо и твёрдо стоял бы перед создателем всех миров и он, она, они или оно, соединив в себе все любимые мной образы, от кастанедовского Орла до многоруко-

го Шивы, найдя моё имя в бесконечном списке погибших, спросил бы: «Вечерин?». Тем самым голосом, которым наша учительница по химии называла фамилии, ведя ручкой в журнале, нарочито растягивая слова: «К дооооскееее пойдёёёёт... о, Вечерин» с ударением сразу на две «е» по очереди. Странное дело, я не помню ее имени, но помню голос... И вслед за этими словами из тьмы Бездны уже покажет свою крокодилью морду голодное египетское чудовище Амат, пожиратель душ.

Вот он высовывает язык и дышит, как собака, причмокивая и обтекая слюной в предвкушении хрустящих косточек моего тела. Божество гладит его по голове, треплет за ушком, а потом обращается ко мне:

– Итак, что достойного ты сделал в своей жизни, Илья?

И бесы-зрители толпятся вокруг, сверкая огненными глазками в предвкушении кровавого зрелища.

– Ничего особенного толком не успел, – отвечаю я смело, прямо глядя в Невыразимое.

– Так и есть, – поддакивают бесы. – Не успел... Не успел...

– Но я практиковал хатха-йогу, – помедлив, добавляю я.

И бесы в ужасе замирают и переглядываются, а некоторые даже отступают во тьму, недовольно бубня. И Амат, крокодил-гиппопотам, от неожиданности кусает свой толстый язык и скулит, а сутулый фонарь, тот самый одинокий свидетель моей практики, уже яростно намигивает азбукой Морзе своё оранжевое послание в ночную мглу. О том, как всё бы-

ло, ведь фонари не умеют лгать.

И в этот самый момент, когда страх ожидания приговора должен быть максимальным, я вдруг понимаю, что его нет. Он кончился, как кинолента в старом проекторе, развязался, как шнурки на кроссовках.

– При чём тут вообще спасение? – спрашиваю я себя. – Откуда взялась эта странная идея? Ведь если про меня всё известно, бояться нечего.

Я подхожу к Амату. Он злобно рычит. Ему ещё не разрешили меня кушать. Медленно и осторожно касаюсь его львиной гривы. Делаю ещё шаг. Провожу рукой по его влажной голове. Треплю его за ушком. Наконец, помедлив, сую свою голову ему прямо в пасть. Раздаётся хлопок, словно я своей головой порвал бумажный пакет. И я понимаю, что этот «Хрюндик» как будто не настоящий. Словно тряпичная кукла, надетый кем-то на руку. Как и я сам... и весь этот сдувающийся на глазах мир. Будто я заглянул за декорации, а они с той стороны – не покрашены.

– Ты уже кое что понимаешь, – говорит Бог. – Честно говоря, неплохо было бы тебе ещё пожить. Может, что и успеешь...

И вот я нахожу себя в шавасане. Присниться же такое. Сегодня нужно лечь пораньше. Видимо, не высыпаюсь.

Текстильщики

Это случилось в детстве, поздним осенним вечером, когда мы всей семьёй на электричке возвращались домой с бабушкиной дачи. Шёл дождь и за окнами вагона едва угадывались очертания происходящего. Вдруг поезд притормозил и остановился напротив огромного остеклённого здания какого-то офиса или торгового центра. Тусклые лампы под потолком вагона замигали и погасли. Кашляющий динамик неразборчиво предостерёг: «ТеК...стиЛЬ...щщИки».

Сквозь запотевшее стекло я напряжённо всматривался во мрак дождливой ночи, как это делали дети Тим и Лекс, сидевшие в машине напротив загона с тиранозавром в фильме «Парк Юрского периода».

Мокрые стёкла торгового центра дрожали на ветру, будоража воображение...

Тогда я увидел их...

Огромные чёрные осьминоги сновали всюду, перебирая своими жуткими пупырчатыми щупальцами. Они полностью облепили мрачное здание. Страшные. Голодные. Злые.

Кажется, одна из тварей посмотрела в мою сторону, когда поезд, наконец, тронулся. Покачиваясь, он стал набирать скорость, унося меня прочь...

Вновь загорелся свет. Я повернулся к младшему брату и шёпотом сообщил ему:

– Кажется, я только что видел текстильщиков!

Война за территорию

Как-то в третьем классе меня с новеньким смуглым парнишкой посадили за первую парту, чтобы мы оба были на виду. Меня – за то, что болтал во время уроков с другом, а Тимур, так звали новенького, вроде успел уже с кем-то подраться.

– Ты чего на мою половину парты локтем залезаешь? – недовольно спросил Тимур, как только начался урок.

– Я на своей половине, – отозвался я недоверчиво.

– Давай тогда разделим? – предложил он и взял карандаш.

– Давай, – согласился я, не зная ещё, на что себя обрекаю.

Тимур прочертил толстую кривую линию серым грифелем и провозгласил:

– Это твоя половина, а это – моя.

– Ты неровно прочертил! – возмутился я, не понимая, как он сам этого не заметил.

– Всё ровно! – невозмутимо отрезал Тимур. – Смотри, – Он отмерил руками свою половину, затем поднял руки перед собой, как будто аккуратно нёс хрустальную вазу или таз с водой, и приложил их к моей половине. – Видишь? Совпадает.

– Ты неправильно меряешь! – сообщил я, хмуря брови. – Ты руки сужаешь. Вот так надо.

И только я хотел показать, «как надо», он схватил меня за

руки и сказал тихо:

– Будешь возмущаться – лишишься и этого! Понял?

– В смысле, – спросил я, потому что как раз таки ничего не понял.

– Вот тебе за возмущение штраф, – объяснил он и прочертил новую линию, «отрезав» ещё кусочек парты от «моей» половины.

Я опешил. Такого в моей детской жизни ещё не было.

– Да у меня здесь даже учебники не поместятся! – начал объяснять я обиженно.

– Это меня не волнует, – пожал плечами Тимур. – Но если будешь себя хорошо вести, я, может быть, дам тебе завтра кусочек чуть больше.

Поняв, куда дело идёт и что обида не поможет, я потянулся за его карандашом.

– Дай сюда, – попросил я.

– Нет, – отозвался он, убирая руку. – Тебе опять положен штраф. Вот этот кусок теперь тоже мой.

И он прочертил ещё одну линию. Тогда я плюнул на руку и стал эти его дурацкие линии стирать, а он оттолкнул меня и начал чертить по парте ещё сильнее.

– Что у вас случилось опять, хулиганы? – спросила учительница, внимание которой мы привлекли своей возней.

– Он толкает меня и хочет отнять мой карандаш, – пожаловался Тимур.

– Илья, – обратилась ко мне учительница. – Если ты бу-

дешь мешать Тимуру, то я выгоню тебя в коридор. Там будешь учиться, понятно?

Как только она отвернулась, Тимур прошептал мне:

– Ты всё понял? Не возникай! А то вся парта будет моей. Вот тебе ещё один штраф, – и он «оставил мне» около двадцати процентов стола.

– Нет, – ответил я твёрдо и положил руки на стол, как положено ученику.

– Эй! – возмутился он, толкая меня. – Это моя половина!

Хитрости мне всегда недоставало, так что мы сцепились прямо во время урока на глазах учительницы, затем упали в проход между рядами, таская друг друга за свитеры, а потом оба получили замечания в дневник. В планы Тимура это не входило, да и в мои тоже, но на следующий день никаких линий на парте он больше не рисовал.

Мальвина

Борис Яковлевич очень любил свой предмет. А ещё он любил проветривать помещения в перерывах между парами. Всех выгонял, дверь запирал и сам отправлялся кушать. Некоторые студентки, входя в кабинет, жаловались на холод.

– Ничего, – говорил Борис Яковлевич понимающе, закрывая окно и стряхивая с себя залетевшие с метелью снежинки. – Сейчас надышим, напукаем и будет тепло.

– Напердим, Борис Яковлевич, – поправлял его Дмитрий.

– Это кто как умеет, – соглашался преподаватель.

Но были вещи, которые Борис Яковлевич ненавидел. Например, сквозняки. Во время занятий плотно закрывались не только окна и двери, но и форточки, отчего уже через десять минут надышано было как полагается. А если кто-нибудь ещё решался «подпустить», то нужно было срочно проситься выйти, а этого Борис Яковлевич разрешал не всегда. Дверь у него была заперта на ключ, а сам ключ хранился под сердцем – в кармане пиджака, ибо опоздавших Борис Яковлевич ненавидел ещё больше, чем сквозняки.

Помню, как-то постучали в запертую дверь с той стороны. Борис Яковлевич, по своему обыкновению, лекции не прерывал. Однако стук вскоре стал настолько возмутительным, что преподавателю пришлось-таки оторвать ключ от сердца и дверь открыть.

На пороге стояла девушка с ярко-синими волосами. Она никогда не бывала раньше на уроках Бориса Яковлевича, а потому с местными порядками знакома не была.

– Вы – Мальвина? – удивлённо спросил Борис Яковлевич пришедшую.

– Нет, – не слишком уверенно отозвалась та.

– Очень жаль, – констатировал Борис Яковлевич. Знакомым движением он прикрыл дверь перед девушкой, повернул ключ и продолжил лекцию.

Экзамен

– Готовишься? – написал я Мише в ICQ, когда увидел, что его статус сменился на «онлайн».

– К чему? – ответ пришёл через пару секунд.

– К экзамену, лол.

– Нет. А когда он, напомни?

– Завтра вообще-то.

– Да ты чё! Не шутишь?

– А ты что делаешь?

– Играю, конечно. А что за экзамен?

– Ну ты даёшь! – искренне удивился я. – Зарубежная литература.

– Вот блин. Она меня пипец не любит.

– Это не удивительно. Ты же не ходишь.

– Конечно не хожу. Литература-то мне точно не нужна.

Ну и фиг с ней. Уже не успею всё равно.

– Хоть билеты почитай. Тебе отправить? – спросил я и добавил, как бы между прочим. – Вообще, учебник очень интересный.

Пауза продлилась несколько секунд, а затем программа уведомила меня, что Миша снова набирает текст.

– А какого он цвета? – спросил он.

– Учебник?

– Да.

– Не помню. Я читаю электронную версию. Но там должно быть написано: «История зарубежной литературы», – ответил я и поставил несколько скобочек, как бы подчёркивающих факт того, что он мог бы и сам додуматься.

– Я же не буду по названию искать, – ответил он. – У меня дома книг дохрена. Мне проще по цвету найти. По моему в шкафу какой-то валялся толстый. Зелёный вроде.

– Да, вроде зелёный. Посмотри.

Уже ночью Миша написал мне:

– Я его нашёл.

– Учебник?

– Ага. Что почитать?

– Ну, по билетам посмотри, что понравится.

– Мне лень. Ты говорил, интересное что-то есть. Я всё равно всё не успею, – написал он и поставил грустный смайлик.

– Ну, почитай про Мольера. Интересная жизнь у него была.

– Ок.

На следующее утро мы встретились у входа в учебный корпус. Весна была в самом разгаре и Миша, по обыкновению своему встрёпанный и весёлый, ещё издали, щурясь от солнца, поднял над головой потрёпанный библиотечный учебник зелёного цвета и пальцем указал на него.

– Привет, – сказал он, подходя и протягивая руку. – охренеть, какая погода, да?

– Хорошая, – согласился я.

– Спасибо тебе, кстати.

– За что? – удивился я.

– За то, что напомнил про экзамен. И за Мольера. Ты был прав. Мощная жизнь у чувака была. Интересно было почитать.

– Ааа... Это пожалуйста. – обрадовался я и уточнил, с надеждой. – Но ты ведь не только про Мольера прочитал.

– Только про него, – ответил он, невозмутимо улыбаясь.

– Так про других там тоже интересно было, – теперь за-
улыбался я. Его бескомпромиссная жизнерадостность была
заразительна.

– Да ладно, – отмахнулся он. – Меня другое больше волну-
ет. Как мне теперь сдать экзамен? Я, конечно, книжку возь-
му, но как списывать, чёрт его знает – она пипец толстая!

Мы оба посмотрели на корешок хрестоматии. Он был сан-
тиметров шесть в толщину, не меньше. Только теперь я за-
метил, как сильно вспотели его ладони. Он вертел и теребил
книгу в руках, видимо, от самого дома, отчего зелёная об-
ложка стала серой и похожей на газету, в которую заворачи-
вают рыбу.

– Короче, – сказал он с уверенностью опытного подхали-
ма, всё ещё располагающее улыбаясь. – Без тебя я не справ-
люсь. Ты должен помочь мне.

Я тяжело вздохнул. Мне не нравилось помогать однокурс-
никам сдавать экзамены. К тому же, это было рискованно.

– Ладно. – согласился я, подумав. В конце концов, мы были друзьями. – Только садись не рядом, а сзади. Записку передашь... Но имей в виду – я сам не всё знаю.

– Но я-то вообще не знаю ничего, – сказал он таким тоном, словно гордился этим.

– Ты знаешь Мольера, – ободрил его я и подмигнул.

Он нервно засмеялся и мы двинулись к университету...

– Билетов ровно двадцать девять, – объявила Лейла, когда мы столпились у входа в кабинет. – А вас – тридцать. Поэтому вы, Михаил, подождите здесь.

– Я? – удивился Миша. – Ну, хотя ладно. Даже лучше...

В его лице читалось разочарование. Он обречённо улыбнулся, глядя на меня, а затем отошёл к окну и сел на скамейку, нервно поигрывая коленями.

– Илья, – обратилась ко мне Лейла, когда студенты начали заходить в кабинет. Она всегда обращалась по имени и всегда на «Вы». Это придавало её личности некий аристократический ореол, который, вкупе с высокими стандартами проверки пройденного материала, формировал образ человека, наделённого скрытой властью и авторитетом. Оттащив меня в сторону за рукав, Лейла добавила шёпотом, наклонившись к моему уху: – Вы возьмите билет с края стола, со стороны окна – он для вас.

«Ого, – подумал я. – Мои старания вознаграждены! Хотя у Лейлы не бывает "автоматов", но хоть есть для меня спе-

циальный билет».

Каково же было моё удивление, когда, взяв тот самый билет, я понял, что он содержит самые сложные вопросы курса. Уже после экзамена Лейла объяснилась:

– Вы ведь всё правильно поняли, Илья? Я специально дала Вам самый сложный билет, потому что больше никто в этой группе его бы не осилил. Я могла доверить эту задачу только Вам.

Признаться, несмотря на то, что эти слова тогда утешили моё самолюбие, даже сейчас я вспоминаю произошедшее, как злую шутку. А тогда и вовсе было не до шуток. Я испугался. Пытаясь припомнить всё, что знаю по теме вопроса и увлечённо записывая идеи на листок, я понял: сиди Миша сейчас за моей спиной, он точно помешал бы мне сосредоточиться. Но Миши не было. Он теребил учебник на скамейке в коридоре и я мысленно благодарил за это судьбу.

Прошло, наверное, каких-нибудь пять минут, как вдруг Павел, пухленький низенький парнишка, который обычно сидел на последней парте со своим ноутбуком, в наушниках, и тихонько смеялся, смотря какой-нибудь сериал, неожиданно встал и направился к учителю.

– Во даёт, – подумал я, не в силах представить себя на его месте. – Быстро он. И смело.

Лейла тоже уважительно посмотрела на Павла и жестом указала на стул напротив, приглашая начать диалог, но тот просто положил билет на стол и остался стоять, потупив-

шись.

– Садитесь, – Лейла повторила свой жест, ещё раз приглашая Павла к началу беседы и удивлённо глядя на него.

– Я не знаю, – ответил Павел тихо на её вопросительный взгляд.

– Чего вы не знаете? – переспросила Лейла.

– Билета, – выговорил Павел с трудом, ожидая приговора.

– Ну так сядьте и подумайте ещё раз, – она подняла со стола и протянула Паше его билет. – Или Вы хотите сказать, что намерены сдать без боя?

– Без боя, – отмахнулся Павел, всем своим видом показывая, что он уже всё решил. Обойдя учительский стол, он тихо побрёл к выходу.

– Безобразие какое! – проговорила Лейла с негодованием. Судя по выражению её лица, ей хотелось добавить ещё что-то, но она сдержалась. Пробежавшись взглядом по вопросам в билете, она разочарованно воскликнула. – Мольер! стыдно не знать! Позовите Михаила!

Режиссер

Как-то к нам в институт пригласили режиссера. Малоизвестного, но настоящего. Чтобы он нас, будущих журналистов, научил актёрскому мастерству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.